

Ирина ЯБЛОЧКИНА

**ПРОБЛЕМА ВООРУЖЕННОЙ КОНФЛИКТНОСТИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ
РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА
1917 – НАЧАЛА 1920 гг.**

В статье осуществлен анализ проблемы вооруженных конфликтов на Северном Кавказе в период революции 1917 г., гражданской войны и в условиях перехода к новой экономической политике. Исследование показало, что становление Советской власти в регионе сопровождалось массовой антисоветской активностью местного населения. Политический протест в регионе представлял собой сложное, противоречивое единство различных движений, порожденных комплексом этнополитических, экономических и культурно-исторических факторов. Советская власть отвоевала позиции, используя не только весьма продуманную политику провозглашений горских автономий, но и проведя мощное военное подавление очагов сопротивления.
Ключевые слова: вооруженные конфликты, гражданская война, повстанчество, революция, Северный Кавказ, Советская власть

Сепаратистские тенденции как реакция на кризис власти

Мощный импульс росту военной активности народов Северного Кавказа дала революционная эпоха 1917 г., ознаменованная крайним ослаблением центральной власти, с одной стороны, и ростом национального и этнического самосознания народов – с другой. Сепаратистские настроения в регионе стали в этот период доминирующими.

В мае 1917 г. во Владикавказе прошел I съезд горских народов Кавказа, основной целью которого являлось самоопределение горских народов. Группой религиозных лидеров – шейхов на съезде был поставлен вопрос об объявлении на территории Чечни, Ингушетии и Дагестана теократического государства – «имамата». Съезд провозгласил создание Горской шариатской республики – Союза объединенных горцев Кавказа, избрал ее правительство, создал Духовный совет, который возглавил получивший звание муфтия Нажмуддин Гоцинский. До октября 1917 г. прошли еще два съезда горцев, на одном из которых (август – сентябрь 1917 г., с. Анди) Гоцинский был провозглашен имамом. В марте – июне 1917 г. были созданы войсковые правительства Терской, Кубанской, Донской казачьих областей, а 20 октября образовался Юго-

Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей¹.

В целом обстановка на Северном Кавказе, причем практически во всех его областях (в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабарде, Карачае), была крайне беспокойной. Весной 1917 г. существенно обострились межнациональные противоречия между горцами и казаками. Нарастали противоречия и между самими горскими народами: к примеру, между кабардинцами и балкарцами, ингушами и осетинами, аварцами и чеченцами. В основе данных конфликтов, наряду с влиянием типично средневековых институтов кровной мести и этническими счетами, лежала обычная борьба за земельные, водные, лесные и иные ресурсы региона.

Революционные события 1917 г., последующая гражданская война еще более усугубили начатое еще мировой войной нарастание военного насилия. Уже первый съезд горцев в мае 1917 г. признал право ношения оружия (кроме «винтовок казенного образца»). Пресекая любые попытки ограничений в данном вопросе, ЦК Союза Объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана безапелляционно заявлял, что «горец и оружие составляют одно неразделимое целое. Безоружный горец чувствует себя униженным, умаленным в своем достоинстве»². Как следствие к осени 1917 г. в донесениях МВД постоянно фиксировалось, что «население Кавказа усиленно вооружается всеми видами огнестрельного оружия»³.

На фоне всеобщего вооружения и фактического безвластия на Кавказе в невиданных масштабах получили распространение различные проявления насилия. В представленном администрацией региона обзоре политического положения весной 1917 г. сообщалось: «Местные комитеты, а также землевладельцы требуют содействия воинских команд для подавления беспорядков, потрав посевов, грабежей»⁴.

По существу, на региональном пространстве в 1917 г. установилось *состояние общественной анархии и всеобщего распада*. Особенно сильное влияние на местные процессы оказывала нерешенность земельного вопроса. Позиция Союза горцев формулировалась следующим образом: «Все земли и леса, занимаемые горским населением, ногайцами, караногайцами и туркменами Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губерний теперь же, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, были признаны неотъемлемой собственностью перечисленных племен; земли, леса и воды, отнятые казной у горцев и прочих народностей, входящих в состав Союза объединенных горцев, были немедленно возвращены сим народам»⁵. Несмотря на то что к этой позиции в аграрном вопросе примыкали и другие политические силы, на практике это вызвало целую волну конфликтов. Уже осенью 1917 г. столкновения между различными этническими группами Северного Кавказа приобрели хронический вид.

¹ См: *Доного Х.М.* Нажмуддин Гоцинский: грани личности. Махачкала: Издательство ИПЦ ДГУ, 2002. С. 5.

² *Алиева С.И., Аскер А.* Воинское дело и мусульманские народы Северного Кавказа// Современная научная мысль. 2013. № 3. С. 28.

³ Терский вестник, 27 сент. 1917 г. С. 2.

⁴ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 95. Л. 46.

⁵ *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Даггосиздат, 1927. С. 44.

Особый вклад в углубление кризиса внесли большевики. После Октябрьской революции и провозглашения Декларации прав народов России с 1918 г. получили распространение различного рода *горские автономии*. По мере консолидации разнородных сил в ряде местностей оформились самые многообразные властные структуры. При этом, к примеру, в Грозном одновременно имело место провозглашение Советской власти и создание Горской республики с антибольшевистским правительством из представителей горско-казачьей элиты.

В силу региональной специфики триумф Советской власти на Северном Кавказе *оказался недолговременным*. Ее защитниками являлись главным образом солдаты, рабочие, отчасти горское и иногороднее крестьянство. Против Советской власти выступили горские верхи и казачество, вместе с дворянством, офицерством и буржуазией. В итоге с середины 1918 г. до весны 1920 г. Северный Кавказ преимущественно попал под контроль белогвардейских сил.

Следует подчеркнуть, что белые на Кавказе склонялись к проведению достаточно осторожной и консервативной политики, преследовавшей в основном цели сохранения политико-правовой стабильности. В данной связи они стремились в первую очередь добиться снижения антигосударственной военно-политической активности населения региона.

По мнению руководителей белого движения, представленному в одной из публикаций отдела пропаганды Добровольческой армии: «Туземное население Терской, Дагестанской и отчасти Кубанской области... можно разделить на две главные группы: на население, имеющее от природы склонность к мирной трудовой жизни, и тех, кои благодаря хищным инстинктам, дают предпочтение разбойничьему образу жизни. К первой группе можно отнести кумыков, ногайцев, осетин, кабардинцев и некоторые лезгинские племена Дагестана. Вторую группу составляют чеченцы с родственными им мелкими племенами»⁶. Дополняя данную классификацию населения региона констатацией того очевидного факта, что крушение центральной власти отбросило местное население «в ту обстановку, в которой оно жило несколько столетий тому назад»⁷, деникинцы стремились добиться главным образом «умиротворения» региона. Хотя при этом зачастую их действия приобретали жесткий, репрессивный характер.

В то же время горцам, в их основной части, были чужды и большевики, и белогвардейцы. Свыше сотни горских народов численностью 1,628 млн чел., населявших 94,8 тыс. кв. верст (53% – Дагестан, 11,3% – Кабарда и Балкария, 9,8% – Карачаево-Черкесия, 9,4% – Чечня, 9,2% – Осетия, Ингушетия, Сунженский округ, 3,6% – Туркменский район, 2,7% – Адыгея), в массе своей были далеки от собственно политической борьбы. Конечно, большевистские установки на самоопределение народов и решение земельного вопроса за счет казачества имели здесь определенную популярность, становились движущей силой отдельных «красных» отрядов горцев. Тем не менее, ситуацию определяли не они. Наиболее влиятельной силой остава-

⁶ ГАРФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 23. Л. 60б.

⁷ Там же.

лись местные авторитеты: «сторонники Советской власти были в явном меньшинстве, в отличие от апологетов традиционализма»⁸.

Действуя преимущественно ситуативно, горцы избирали различную линию поведения, причем быстро меняли ее в зависимости от обстановки. К примеру, значительная часть чеченцев заняла пробольшевистские позиции. В свою очередь, серьезно пострадал в 1918 г. от большевистского террора, кубанские адыги, наряду с казаками, напротив, выступили противниками большевизма и пополнили Добровольческую армию⁹, контролировавшую часть территории региона в 1919 – начале 1920 г.

В целом Северный Кавказ в период гражданской войны превратился в арену острых столкновений – и политических, и межнациональных. Причем борьба между горцами и казаками, различными горскими народностями и даже просто аулами соседствовала с борьбой красных и белых казачьих станиц, города и аула (села, станицы). Яркими примерами такого положения являются раскол в сунженском казачестве и противостояние пробольшевистских «верхних» (Карабулакская, Троицкая, Михайловская, Ассиновская) и «белых» станиц (Ермоловская, Закан-Юртовская, Петропавловская, Барятинская), а также «стодневная война» 1918 г. между Грозным и станицей Грозненской, положившая начало длительному конфликту, несколько ослабевшему только в 1920 г. С уходом деникинцев, в марте станица Грозненская была преобразована в поселок им. М.И. Калинина и в марте 1920 г. передана в состав Грозного¹⁰.

Очевидно, что в своем большинстве горцы не выступили ни на стороне белых, ни на стороне большевиков: «Ни „кадеты”, ни большевики ничего с нами не смогут сделать, упрямо твердили жители горных селений. Пусть пока что властвуют на берегу моря, а мы будем у себя в горах отсиживаться. Пройдет год-другой, наступят другие времена, соберемся с силами – одним духом очистим свое Черноморье от всякой „шати”. Теперь нас уже никто не обманет»¹¹.

Важную роль в этой ситуации играло мусульманское духовенство, особенно авторитетное в горных районах Чечни и Дагестана. В конечном счете оно объявило «священную войну» и белогвардейцам, и большевикам. Во главе массового религиозного движения встал шейх Узун-Хаджи¹². Значительной политической фигурой являлся и Гоцинский, в марте 1919 г. в новом составе правительства Горской республики занявший должность главного управляющего шариатскими делами.

Состояние глубокого общественного кризиса и «многовластия» в регионе к концу гражданской войны *существенно усилилось*. Причем горское

⁸ Магамадов С.С., Кислицын С.А. Политическая власть и повстанческое движение на Северном Кавказе. Очерки истории 1920–1930-х гг. Ростов-на-Дону: Издательство Южно-Российского института-филиала РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации, 2011. С. 50.

⁹ См.: Машитлев Р.М. Адыго-казачий антибольшевистский союз (январь – август 1918 г.) // Современная научная мысль. 2013. № 6. С. 75.

¹⁰ См.: Головлев А.А. Историко-географический очерк станицы Грозненской (страницы из прошлого репрессированной казачьей станицы). Ульяновск. 2009. С. 63.

¹¹ Архив русской революции. В 22 т. Т. 5. М. 1991. С. 170.

¹² См.: Гакаев Ж.Ш. Очерки политической истории Чечни (XX век) в 2-х ч. М.: Издательство ЧКЦ, 1997. С. 72.

сообщество, в ходе борьбы за сохранение традиционного уклада жизни, очень чутко улавливало изменения в соотношении сил на основных ее фронтах. В частности, в августе 1919 г. против Деникина поднялся весь горный Дагестан (за исключением Аварского округа). Казачьи отряды в горных крепостях «были частью обезоружены, частью вырезаны»¹³.

Формирования белых (генерал Халилов) сохранили контроль в основном над равнинной частью, крупными городами (Дербент, Петровск, Темир-Хан-Шура). В то же время, помимо «шариатской монархии» Узун-Хаджи и пробольшевистского Революционного Совета обороны (Коркмасов; ставка в с. Леваши), в регионе развили активность различного рода авантюристы, чаще всего опиравшиеся на внешние силы – Казим-бей, Нури-паша (Турция), Кереселидзе (Грузия) и т.д.

В феврале – марте 1920 г. Добровольческая армия в кровопролитных боях была выбита из горских областей Северного Кавказа. Ярким примером тому, в частности, служат обстоятельства борьбы за Дербент – события «19-дневного ожесточенного боя на улицах самого города»¹⁴. Однако в регионе осталось немало ее активных участников. В новых условиях они создавали собственные формирования, либо же просто вливались в отряды многочисленных местных лидеров (прежде всего религиозных).

Становление Советской власти в регионе в условиях вооруженной конфронтации

Сменившие деникинцев большевики были приняты населением с большой настороженностью, практически сразу переросшей в открытое, *неуклонно усиливавшееся сопротивление*. В частности, несмотря на кончину в марте 1920 г. примирившегося было с большевиками «имама» Узун-Хаджи и ликвидацию так называемого «Северокавказского эмирства», местные элиты, обладавшие значительным авторитетом, остававшееся мощной духовной и организующей силой мусульманское духовенство подняли на борьбу с большевиками значительные группы населения.

В немалой степени этому способствовали действия красных, в т.ч. «отдельных отрядов XI армии, проходившей в это время по плоскостной части Дагестана по направлению к Баку»¹⁵, а также не всегда продуманные и целесообразные действия создававшихся большевиками для осуществления своих планов ревкомов.

Так, 31 марта 1920 г., приказом Реввоенсовета Кавказского фронта был учрежден Северокавказский революционный комитет (Кубань, Черноморье, Ставропольская губерния, Терская область и Дагестан). Вслед за этим, 8 апреля 1920 г., приказом Северокавказского ревкома для установления Советской власти в Терской области был назначен Терский областной революционный комитет. Затем, 11 апреля был учрежден Дагестанский революционный комитет. В течение

¹³ Самурский Н. Гражданская война в Дагестане (Из воспоминаний) // Новый Восток. 1923. № 3. С. 230.

¹⁴ Там же. С. 232.

¹⁵ Там же.

марта-апреля 1920 г. на местах были созданы Кабардинский, Осетинский, Кизлярский, Ингушский, Чеченский, Грозненский и другие ревкомы.

Слабое знание местной специфики, утопичность большевистских планов преобразования жизни горских народов на новых основах, зачастую плохо продуманные реформы, неизбежные злоупотребления и произвол военизированных структур (в некоторых местностях, помимо ревкомов, большую роль сыграли комбеды), на фоне отсутствия достаточной поддержки в традиционных горских сообществах, с неизбежностью влекли за собой *дестабилизацию внутривосточной обстановки*.

Далеко не однозначно горцами была встречена традиционно выигршная для большевиков аграрная реформа, связанная с перераспределением земель от частных владельцев и казачьих общин в пользу широких слоев горской бедноты. В.И. Ленин в «Проекте постановления о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами» писал: «По вопросу аграрному признать необходимым возвращение горцам Северного Кавказа земель, отнятых у них великорусами за счет кулацкой части казачьего населения»¹⁶. Соответственно, к примеру, в приказе Терского областного ревкома от 19 апреля 1920 г. объявлялось об отмене частной собственности на землю, национализации, воспрещении ее купли, продажи и даже аренды, а также прочих касавшихся земли сделок¹⁷.

Деятельность большевистских ревкомов, сконцентрировавших в своих руках большую власть, встречала все более сильное сопротивление и в широких массах, воспринимавших большевиков и их идеологию как нечто чуждое, противоречащее как установкам и канонам мусульманской религии, так и нормам мусульманского права, и даже общечеловеческим ценностям. Это сопротивление выражалось как в пассивных, так и в активных, насильственных формах борьбы с «чужаками», а также с коррумпированной частью аппарата власти. На этом фоне прежде всего повсеместно наблюдалось увеличение количества материалов по фактам преступлений «против порядка управления», поступавших на рассмотрение ревтрибуналов. К примеру, в Осетии в марте 1920 г. их было зафиксировано 12, а в мае — уже 26¹⁸.

Рост протестных настроений, с одной стороны, стихийных, а с другой — организованных, в 1920 г. обозначил перспективу принципиального углубления противостояния населения и власти. Конечно же, этой ситуацией не преминули воспользоваться внешние силы. Учитывая значительный уровень воздействия мусульманской идеологии на горское население, правящие круги Англии, Франции, Турции сделали ставку на раскручивание нового витка борьбы с Советской властью на Северном Кавказе. Самую активную роль в этом проекте должны были сыграть также правительства закавказских государственных новообразований — Грузии и Азербайджана.

Фактически и после утверждения большевиков в регионе в 1920 г. наибольшую важность для них представляла политическая задача удер-

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 342.

¹⁷ Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти (октябрь 1919 — август 1920 г). Сухуми: Изд-во «Алашара», 1971. С. 197.

¹⁸ ЦГА РСФСР-А. ФР. 160. Оп. 1. Д. 83. ЛЛ. 4–6.

жания власти, а возобновление гражданской войны оставалось здесь суровой реальностью. На наш взгляд, откровенно ошибочным является привычный тезис о том, что уже весной 1920 г. большая часть территории Северного Кавказа оказалась под контролем Красной армии¹⁹.

Данный историографический штамп был создан советскими исследователями, абсолютизовавшими выводы хрестоматийно известной телеграммы Г.К. Орджоникидзе от 2 апреля 1920 г., направленной В.И. Ленину. В ней он писал об освобождении «всего Северного Кавказа», как «свершившемся факте»²⁰. Однако реальное положение вещей требует признать то, что успехи большевиков на Северном Кавказе в это время являлись значительно более скромными. За пределами крупных городских центров Советская власть присутствовала скорее номинально. Не подлежит сомнению, что основная часть территории региона в течение всего 1920 г. оставалась новой власти практически неподконтрольной.

Условия, обусловившие специфику ситуации в национальных районах Северного Кавказа, имели в немалой степени природную и этническую составляющие. Сложный рельеф горной, покрытой лесами местности и отчасти традиции гостеприимства местного населения обеспечили надежное убежище и остаткам белогвардейских формирований, и различного рода вооруженным отрядам красно- и бело-зеленых, дезертиров, абреков и т.д.

Пестрый этнический состав населения, его высокая мобильность, наличие разнообразных рудиментов прошлого, в частности, значительного влияния местных духовных и родовых авторитетов, значительная концентрация оружия, участников белогвардейских формирований, постоянное изменение административно-территориальных границ обусловили крайне медленную советизацию региона, а состояние хаоса в управлении – исключительно высокую его конфликтность. Некоторую стабильность большевики с немалым трудом обеспечивали в городах. Основная же часть региона контролировалась местными элитами и так называемыми «бело-зелеными».

Соответственно, уже весна 1920 г. превратила «бандитизм» в горах в ключевую проблему, от решения которой во многом зависело будущее не только проводимых преобразований, но и всего региона в целом. Большинство горных районов (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Карачай, Черкесия и пр.) в это время представляли собой своего рода закрытые самоуправляющиеся этнополитические территории. В условиях начального этапа существования Советской власти эти территории, по сути, были предоставлены сами себе. Несмотря на оптимистичные декларации армейских и гражданских партработников, уже в апреле писавших в основном о революционных настроениях горцев и повсеместно созданных революционных комитетах²¹, по существу слияние последних *оставалось ограниченным*. Сообщения об их учреждении весной 1920 г.²², доказы-

¹⁹ См.: Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1986. С. 69.

²⁰ Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. С. 111.

²¹ См.: Очерки истории Карачаево-Черкесии. Черкесск: Кн. изд-во, 1972. Т. 2. С. 71.

²² См.: Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Ставрополя. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во Карачаево-Черкесское отд-ние, 1978.

вающие успехи большевиков на Кавказе, являлись скорее результатом стремления выдать желаемое за действительное.

Наиболее благоприятной для большевиков являлась ситуация в равнинной части Северного Кавказа. Положение же в горных районах оставалось предельно тяжелым. Фактически большая часть региона на протяжении 1920 г. была вне зоны контроля Советской власти. В результате здесь сложилась сложная оперативная обстановка, *стал реальностью настоящий разгул и политического, и уголовного бандитизма.*

В регионе, где нашли прибежище различного рода политические и этнические вооруженные формирования, где набирало силу традиционное абречество, требования, выдвигаемые к «аулам горного района выдать всех белогвардейцев»²³, принципиально игнорировались. «Фактически здесь не было ни власти Советов, ни охраны общественного порядка»²⁴.

После кратковременного этапа «победы» большевиков, предпринятые ими политически непопулярные акции в короткий срок существенно осложнили и без того тяжелую обстановку. Уже к началу лета они повлекли за собой не только максимальную политизацию «бандитизма», но и соответственно — его превращение в одну из главных проблем.

В данном взрыве повстанческого движения, упрощенно именованного современниками «бело-зеленым», в едином военном потоке слились:

- связанное с активизацией врангелевцев оживление остатков белых отрядов;
- широкое сопротивление местного населения политике продрозверстки;
- протестные этнические движения;
- банальная уголовщина.

Значительной частью жителей овладели крайнее нервное напряжение, агрессивность, классовая ненависть. Беззаконие встало над моралью и общепринятыми нормами поведения. Все это отрицательно сказалось на криминогенной ситуации на Северном Кавказе. По региону пронеслась череда погромов, росло количество грабежей и краж. Обычным стали самозахват земли и распашка земельных угодий. Бандиты в военной форме, скрываясь под флагами радикальных сил, проводили анархические экспроприации, совершали кражи и грабежи. Повсеместно орудовали банды грабителей и налетчиков, нападавших на магазины, склады, жилые дома. Городские центры региона были наводнены беженцами, дезертирами, безработными, уголовниками.

Весьма сложное экономическое положение дополнительно питало социальную напряженность. Вследствие ряда принятых большевиками радикальных мер, к примеру, по национализации земли, ликвидации частной собственности, продрозверстке, из-за мероприятий карательного характера и неуважения к религиозным ценностям недовольство местного населения неизбежно росло. Восстания 1920 г., некоторые из которых не удавалось подавить даже армейскими частями, являли собой красноречивый ответ на утопические большевистские преобразования.

²³ Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье (1917–1921 гг.). Сб. документов. Ставрополь. 1968. С. 145.

²⁴ Алиев У. Карачай. Ростов-на-Дону: Крайиздат. Севкавказ, 1927. С. 158.

На волне растущего возмущения набирали силу процессы *самоорганизации повстанцев*, в т.ч., что особенно примечательно, – *на основе союза горцев и казаков*.

Так, с июня 1920 г. в Грузии проявлял большую активность врангелевский «Комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков». В июле 1920 г. в Терской губернии и в Чечне в с. Ачхой была создана «Казаче-Чеченская противобольшевистская организация». В августе бывший помощник имама Чечни И. Чуликов создал контрреволюционную организацию, тесно связанную с казаками старой Сунженской линии. Причем в ее подавлении использовалась Чеченская бригада Магарадзе и Ингушский кавалерийский полк Джибаева²⁵.

В свою очередь большевики, играя на заимствованном у самих повстанцев лозунге «независимой Горской Республики», усиливали военные акции против местного населения. В частности, весна-лето 1920 г. были ознаменованы активными действиями кавалерийской бригады Я. Балахонова, довольно успешно ликвидировавшего «банды» под Майкопом, в Кавминводах и т.д. Как и в других регионах страны, позиция новой власти в отношении повстанцев отличалась предельной жесткостью. В соответствии с приказом № 1247 командования Кавказского фронта от 20 июля 1920 г. захваченные с оружием «бандиты» подлежали расстрелу на месте.

Таким образом, на фоне стихийного сопротивления большевикам остатков прежних белых формирований, стремительного роста национально-религиозных движений, усиления недовольства большевистскими преобразованиями в самых широких кругах населения (в т.ч. беднейшего) уже с лета 1920 г. на Северном Кавказе на передний план вышли *массовые выступления*. В основе их лежало активное неприятие большевистской политики довольно широкими слоями традиционного горского сообщества, под влиянием популярных лозунгов пантюркизма, панисламизма, введения шариатского управления и т.д., получившее вполне оформленный идейный облик.

К осени 1920 г. повстанческое движение, рожденное растущим недовольством большевистской политикой, вышло на пиковые показатели, охватив многие горные районы Северного Кавказа. Особенно мощным стало восстание «имама» Дагестана Гоцинского и ряда примыкавших к нему активных противников большевизма, вдохновленных идеей независимости Кавказа и создания здесь самостоятельного государства.

Поскольку в силу авторитета Гоцинского как главы антисоветского движения были некоторые сомнения, организаторы восстания использовали имя Шамиля, пригласив из Турции его внука Саид-бека, который мог бы стать духовным авторитетом²⁶. В октябре 1920 г. прибывший из Турции Саид-бей был провозглашен духовным вождем Дагестана и Чечни. Впрочем, похоже, что его имя использовалось больше как *идеологический ход антисоветских сил*. Реально значительной роли в движении он не играл.

В целом движение быстро набирало силу. Блокада Гуниба и Хунзаха, падение Ботлиха поставило советское командование в довольно тяжелое

²⁵ Там же. С. 105.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 266. Л. 40.

положение. Основная часть Западного Дагестана – Аварский, Андийский, Гунибский округа контролировались повстанцами, перерезавшими дороги, ведущие в Центральный Дагестан.

К началу 1921 г. размеры восстания достигли своего апогея. Дагестан и Чечня практически полностью вышли из-под контроля большевиков, которым противостояли по-настоящему широкие слои населения²⁷.

В то же время красные отряды, так и не изменившие своим уставкам на подавление местного населения, даже добившись временных успехов и сняв в ноябре блокаду с Гуниба и Хунзаха, вновь быстро «скомпрометировали себя рядом насилий над нейтральным и даже определенно сочувствующим нам населением», вызвав «новое возмущение бедноты»²⁸. Все это определило затяжной характер противостояния.

Столкнувшись с мощной повстанческой волной, местные руководящие работники (Д. Коркмасов, Н. Самурский и др.) основное внимание уделяли организации ее вооруженного подавления. Они предлагали «оттянуть красноармейские части с гор» и выдвинуть лозунг «партизанской войны»²⁹. Окончательным стало решение совещания местных работников о необходимости бороться с отрядами Гоцинского частями Красной Армии и отрядами партизан из всех округов области. Действиями по ликвидации восстания руководил вначале Дагестанский областной военный комиссариат (в Темир-Хан-Шуре), затем начальник 32-й стрелковой дивизии А.И. Тодорский. Общее руководство осуществлял командующий 9-й армией М.К. Левандовский.

Курс на образование национальных автономий на Северном Кавказе

Большую активность большевики проявляли в проведении мероприятий, призванных *обеспечить им массовую поддержку населения*. Особое внимание уделялось *ускорению земельной реформы*. 6 сентября 1920 г. Кавказское бюро ЦК РКП(б) постановило: «Принять меры к наделению землей в первую очередь малоземельных чеченцев, затем балкарцев, осетин и других»³⁰. В ноябре 1920 г. горцам Чечни были переданы земли станиц Ермоловской, Романовской, Самашкинской и Михайловской с переселением из них в соседние губернии всего казачьего населения.

Безусловно, такие земельные мероприятия создавали определенную социальную опору для большевиков в лице бедняков. С другой стороны, они привели к усилению антисоветских настроений в зажиточных слоях населения, главным образом в среде казачества и местной знати, духовенства, крайне враждебно воспринявших ущемление своего положения. Ведь в соответствии с законом о национализации земли эти слои теряли прежние преимущества, поскольку любая собственность на землю, недра, леса и прочие природные дары аннулировались.

²⁷ ГАРФ. Ф.Р-393. Оп. 38. Д. 80. Л. 5.

²⁸ *Самурский Н.* Гражданская война в Дагестане (Из воспоминаний) // Новый Восток. 1923. № 3. С. 237.

²⁹ История Дагестана. Т. 3. М.: Наука, 1968. С. 125.

³⁰ *Овчинникова М.И.* Советское крестьянство Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1972. С. 37.

Особенно удачным политическим ходом большевиков в борьбе с широким антисоветским движением стало провозглашение на Северном Кавказе горских автономий. Следует подчеркнуть, что этот курс довольно сдержанно был встречен населением и властями казачьих областей. В частности, когда на Первом съезде трудящихся горцев Кубани и Черноморья в августе 1920 г. было заявлено о необходимости создания Горской республики, на эту инициативу очень резко отреагировал Кубано-Черноморский ревком, признавший такой шаг не только нецелесообразным, но и явно нежелательным³¹.

Несмотря на определенное сопротивление руководства казачьих регионов, с осени 1920 г. данный курс стал определяющим. 14 октября 1920 г. состоялось заседание Политбюро РКП(б), на котором обсуждался вопрос «о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами». Было принято постановление «О необходимости проведения в жизнь автономии в соответствующих конкретным условиям формам для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений»³².

27 октября 1920 г. во Владикавказе Пленум Кавказского бюро ЦК РКП(б) обсудил вопрос «о горской автономии» и признал «своевременным образование Терской и Дагестанской горских советских республик типа Башкирской Советской республики»³³. С этой целью было решено созвать съезды народов Дагестана и Терской области, и на Северный Кавказ был направлен нарком по делам национальностей И.В. Сталин³⁴, который вместе с руководителями Кавказского бюро РКП(б) и Северокавказского ревкома С.К. Орджоникидзе и С.М. Кировым лично провел соответствующую подготовительную работу.

13 ноября 1920 г. на Чрезвычайном съезде народов Дагестана в Темир-Хан-Шуре была оглашена *Декларация о предоставлении Дагестану советской автономии*. 20 ноября 1920 г. декретами ВЦИК были учреждены Дагестанская и Горская АССР³⁵.

Примечательно, однако, что лозунг «самоопределения наций» при этом не приобрел крайних, популистских форм реализации. Большевики взяли курс прежде всего на создание крупных автономий. Так, декретом ВЦИК «Об образовании Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики» в единую территорию были объединены все дагестанские земли. Название было дано по историческому названию горной части этого многонационального края, где проживала основная масса населения, а не по одной из населявших ее 80 народностей и этнических групп³⁶.

Параллельно, 17 ноября 1920 г. во Владикавказе на съезде народов Терека и Кубани была провозглашена Горская Автономная Советская Социалистическая Республика, оформленная впоследствии декретом

³¹ См.: Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «Социалистический эксперимент» (20-е годы). Майкоп: Меоты, 1994. С. 111.

³² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 342.

³³ История Дагестана. Т. 3. М.: Наука, 1968. С. 134.

³⁴ См.: Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 394–407.

³⁵ СУ РСФСР. 1921. № 5. Ст. 39; № 6. Ст. 41.

³⁶ См.: Коркмазов А.Ю. Этнополитические процессы на Северном Кавказе. (История и современность). Ставрополь: Издательство Ставропольского университета, 1994. С. 72.

ВЦИК. В Горскую АССР вошла основная часть населения Северного и Северо-Западного Кавказа (за исключением значительной части адыгов — черкесов), объединенного в 6 национальных округов: Балкарский, Кабардинский, Карачаевский, Чеченский, Ингушский, Осетинский³⁷.

Отметим также, что в своей пропаганде в мусульманских районах большевики некоторое время пытались учитывать их религиозную специфику. В частности, определенную популярность в это время получили рассуждения о том, что коммунизм и шариат не только не противоречат, но и дополняют друг друга. Исходя из этого часть представителей духовенства даже провозгласила лозунг: «За Советскую власть, за шариат!».

Но курс на развитие национальных образований одновременно означал курс на использование межнациональных противоречий, прежде всего в плане углубления конфликтности между горцами и казаками. После «освобождения» на Северном Кавказе «казачий вопрос», а также последовательная политика обострения противоречий привели к истинно драматическим событиям, связанным с этническими репрессиями. Подобное развитие событий было во многом predetermined многолетним конфликтом горской безземельной бедноты с казачеством, а также с соседними горскими общинами. Обещания большевиков осуществить передел земель в пользу бедноты, с одной стороны, породили конфликт горцев и белого казачества, а с другой — обострили межгорские противоречия.

Именно большевики, генерировавшие и выступавшие проводниками предельно радикальных решений, вольно и невольно сумели довести объективно существовавшую конфликтность и сопутствовавшую ей криминализацию общества до их крайних, критических пределов.

Архивные документы свидетельствуют, что в 1918–1921 гг. только по Сунже полному разорению подверглись 11 казачьих станиц, включавших 6661 двор. Причем казаки были выселены поголовно. Немалая их часть была попросту вырезана. В опустошенные станицы вселилось затем 750 ингушских и чеченских хозяйств. В рамках данной операции большевики не только вооружили вайнахов, но и активно использовали отряды Красной гвардии, а затем и регулярной армии. В 1918 г. за несколько дней на Сунже уже было истреблено около 12 тыс. казаков — детей, женщин, стариков. Около 70 тысяч были изгнаны из мест проживания. Ряд станиц превратились в «аулы»³⁸.

Одним из завершающих актов разворачивавшейся драмы стало то, что Учредительный съезд Горской АССР (Владикавказ, 16–22 апреля 1921 г.) принял решение о выселении казачьих станиц за пределы ГАСССР³⁹. Ответом на такую политику новых властей явилось развернувшееся на Тереке массовое антибольшевистское движение казачества.

В то же время признание автономий сыграло большую роль в укреплении большевистской власти. Сопровождавшееся проведением многочисленных митингов и торжественных собраний, оно позволило завоевать симпатии немалой части горцев. Не случайно такие собрания нередко

³⁷ Там же. С. 73.

³⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Наука, 1989. С. 197.

³⁹ Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Сб. документов. Т. 1. М. 1959. С. 711–712.

сопровождались мобилизациями, записью добровольцев для борьбы с «бандами». Так, определенных успехов большевики добились в Дагестане, где развернулась мобилизация местной бедноты на борьбу с Гоцинским. К декабрю 1920 г. против него уже действовало свыше 10 партизанских отрядов численностью свыше 8 тысяч человек⁴⁰.

Военные операции по ликвидации антисоветских формирований в регионе

Тем не менее, пробольшеvistские силы в регионе оказались довольно ограниченными. На этом фоне к концу 1920 г. в горских областях повсеместно происходило *увеличение дел о контрреволюционной деятельности*. К примеру, в отчете Юго-Восточного бюро РКП(б) отмечалось: «На Северном Кавказе сложилась взрывоопасная обстановка. Ошибки местных партийцев, налоговое бремя вызывали необычайную энергию кулаков, да и в целом всех слоев крестьянства»⁴¹. Власть вынуждена была принимать меры по предотвращению открытого противодействия.

Подобная ситуация сложилась на Северном Кавказе повсеместно. Начавшееся практически сразу после ухода Добровольческой армии с Кавказа, противостояние большевиков и значительной части горцев неуклонно усиливалось⁴². Оно стало следствием многочисленных ошибок новой власти. Проводившиеся белогвардейцами различного рода мобилизации и реквизиции при большевиках сменились продразверсткой, бесцеремонностью, грубым пренебрежением к религиозным ценностям и т.д.

Реакцией на это стала *нараставшая волна многочисленных восстаний*. В борьбе с ними, зимой-весной 1921 г., параллельно с подавлением антоновщины и западно-сибирского восстания, силами Терско-Дагестанской группы войск Кавказского округа были осуществлены крупные операции в Дагестане, Чечне, Карачае и т.д. Причем в это время была предпринята и попытка «первого разоружения Чечни».

Особенно серьезной угрозой Советской власти на Северном Кавказе оставалась деятельность Гоцинского. Поэтому война с ним велась ожесточенно, без уступок, боевые столкновения были масштабными и кровопролитными, а враждующие не брали пленных.

Несмотря на то что повстанцев было всего примерно 10 тыс. чел., против них были отправлены регулярные части Красной Армии численностью в 40 тыс. солдат и командиров. Реввоенсовет Кавказского фронта отдал приказ о создании Терско-Дагестанской группы войск для полного уничтожения антисоветских формирований в Дагестане и на Тереке. Особое внимание уделялось организации формирований из местных жителей. В итоге наступление советских войск развивалось успешно – к 25 января 1921 г. отряды Гоцинского были разбиты, хотя и не ликвидированы. Более того, оставшиеся отряды во главе с Санд-беком активно выступили в Чечне.

⁴⁰ История Дагестана. Т. 3. М.: Наука, 1968. С. 128.

⁴¹ ЦГА РСФСР-А. ФП. 1849. Ол. 4. Д. 1215. Л. 23.

⁴² См.: *Марченко Г.В.* Антисоветское движение в Чечне в 1920–30-е годы // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131.

Красная Армия ликвидировала при этом два основных очага повстанчества – западный (Хунзах, Ботлих и др.) и северо-восточный (Аракань, Аймяки и др.). Наиболее значительными военными событиями в это время стали операции по взятию аулов Гергебиль и Аймяки в январе и аулов Аракань и Унцукуль – в феврале 1921 г. на Хунзахском направлении. Вслед за этим поистине переломным моментом стал штурм пережившего полуторамесячную осаду аула Гимры.

Особо отметим крайнюю трудность ведения боевых действий в горной местности. Не случайно в длившихся полгода кровопролитных боях рубежа 1920–1921 гг. Красная Армия потеряла около 10 тыс. чел. Причем, по признанию красных командиров, они были вынуждены применять самые жестокие меры. К примеру, при штурме в феврале 1921 г. аула Гимры, в итоге практически полностью разрушенного: «Кроме гранаты (бомбы), при обстреле аула Гимры применялись и химические (удушающие) снаряды. Правда, последние не принесли больших потерь личному составу повстанцев, быстро покидавших аул и разбегавшихся в горы, но задушили изрядное количество крупного и мелкого скота, что произвело на горцев чрезвычайно эффективное моральное впечатление»⁴³.

Милицейская сводка за период 1–10 апреля 1921 г. уже констатировала, что во Введенском районе «действия красных войск против Ботлихских банд дагестанцев окончились успешно»⁴⁴. В то же время общекраевая сводка № 11 о политическом положении на 12 апреля 1921 г. и вовсе представляла ситуацию в оптимистичных тонах. Власти полагали, что и Дагестан уже полностью очищен от контрреволюционных банд⁴⁵.

Несмотря на несомненные успехи Советской власти в подавлении повстанческих движений в 1921 г., крайне напряженная политическая ситуация на территории Северного Кавказа сохранялась, а *вооруженная конфликтность оставалась неотъемлемой чертой эпохи нэпа* в этом регионе.

В условиях массового антибольшевистского движения Советская власть устояла, но вплоть до середины 1920-х гг. ее возможности на Северном Кавказе были ограничены рамками проведения отдельных, хотя порой и довольно крупных операций.

Время по-настоящему масштабных действий, связанных с «разоружением» региона, наступило лишь в 1925–1926 гг. Именно эти годы стали решающими как в ликвидации антисоветских движений, так и в завершении масштабных операций по разоружению, без осуществления которых невозможно было бы добиться политической стабилизации на Северном Кавказе.

⁴³ Кремов С. Артиллерия на Кавказе // Красная артиллерия. 1923. Вып. 3. С. 57.

⁴⁴ ГАРФ. Ф.Р-393. Оп. 23а. Д. 652. Л. 15.

⁴⁵ ГАРФ. Ф.Р-393. Оп. 23а. Д. 651. Л. 12об.